

А. ТУРКОВ

ПОЭЗИЯ
СОЗИДАНИЯ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА 1962

Турков А. М. Действенная летопись / А. Турков // Поэзия созидания : лит.-критич. ст. / А. Турков. — Москва, 1962. — С. 229-236.

4

Двенадцатилетний Родька Гуляев, мальчишка с красным галстуком на шее, рухнул на колени перед иконой и, с испугом глядя на нее, вымолвил:

— Прости... господи...

Шершавая рука бабки повесила на его шею крестик, словно заклеила еще одну послушную, безропотную овцу божьего стада.

Произошло то самое, чему даже перед смертью противилась девочка, описанная Эдуардом Багрицким в стихотворении «Смерть пионерки», и на чем настаивала мать умирающей:

Не противься ж, Валенька,
Он тебя не съест,
Золоченый, маленький,
Твой крестильный крест.

А может быть, и впрямь «не съест» безобидный крестик Родьку? Может быть, прав священник, отец Дмитрий, говорящий взволнованной учительнице Парасковье Петровне, что «никакой опасности для государства это не представляет»?

Но присмотримся поближе к Родьке в те дни, когда он, случайно нашедший запрятанную «чудотворную» икону, становится ее жертвой, как будто он наткнулся на заржавелую, но все еще опасную мину или гранату.

Изба Гуляевых становится местом паломничества тупых святош, богомольных кликуш, истерических инвалидов. Их елейные голоса нарекают Родьку праведником, кто-то уже тянется губами к его руке, просит вымолить милости у господ, кто-то страшает рассказами о том, что в заброшенной церкви по ночам пилит купол нечистая сила.

Голова у Родьки идет кругом: вранье? Но почему же сам он с приятелями, забравшись в заброшенное здание, слышит в полночь непонятный, пугающий звук?

«Тыщи лет люди в бога верили, — в смятенье размышляет Родька. — Не все же тогда были дураки. В школе про Льва Толстого рассказывали: бога искал. Раз искал, значит, верил... Но почему теперь в бога верят больше старики да старухи? Бабка верит, а Парасковья Петровна нет... Парасковья Петровна умней бабки. Ну, а Лев Толстой, он книжки писал, он и Парасковья Петровна умней был. Непонятно все...»

Ранена ребячья душа. Пропало радостное и безбоязненное восприятие мира. Следят за мальчишкой из угла хмурые глаза святых, петлей обвивает шею злополучная тесемка, страх перед жизнью закрался в сердце.

Прежде Родька простодушно мечтал стать моряком. Теперь, если послушать бабку, это от него не зависит: на все божья воля...

Кто-то остроумно назвал веру якорем, которым хотят прикрепить к мели корабль, приготовившийся в дальнее плаванье. К счастью, наш маленький корабль недолго задержался на мели. Узнав о ночной Родькиной экспедиции, Парасковья Петровна объяснила, что таинственный звук под куполом вызван обыкновенным физическим явлением — резонансом: это отзвук проходящего неподалеку поезда. И свое освобождение из-под тягостной власти религиозных страхов Родька ознаменовал домашним бунтом — изрубил «чудотворную» икону, сделавшуюся в его глазах причиной всех его сомнений и бед.

Жестоко избитый бабкой, он чуть не утопился...

Вот такая история разыгралась в избе Гуляевых, вот как маленький крестик чуть не задушил Родьку!

В отличие от книг Е. Дороша и В. Солоухина, «Чудотворная» В. Тендрякова не претендует на документальность. Как знать, случилось ли в каком селе, чтобы парнишка нашел зарытую в земле икону, вокруг которой верующие и кликуши подняли бы шум, вплоть до того, что смутили душу нечаянного виновника всего происшедшего! Неотъемлемое право художника — совмещать в своем произведении случаи одного и того же порядка, привлекая таким образом внимание читателя к *общественному явлению*, которое за ним стоит.

Яростная полемика с религиозными взглядами, шедшая в 20-х и начале 30-х годов, сменилась затишьем, весьма редко нарушавшимся.

Почти символическим его выражением выглядит эпизод, рассказанный в том же «Деревенском дневнике» Е. Дороша. Умерла в колхозе старая, заслуженная доярка. «Хоронили старуху, конечно, с попом. Перед отпеванием батюшка сказал, что он подождет, не желает ли гражданин председатель сказать слово. И председатель сказал прощальное слово ушедшей из жизни доярке. Только после этого священник стал отпевать. И за поминальным столом, по предложению священника, первое слово говорил председатель колхоза».

Эта идиллия тем примечательнее, что председатель этот не кто иной, как Иван Федосеевич, этот, так сказать, «повзрослевший Нагульнов».

Разумеется, хорошо, что он понял не только тщету, но и вредность своих прежних бесшабашных наскоков на «долгогривых». Вооруженный марксовскими словами: «Религия есть *опиум* народа», Нагульнов вряд ли глубоко вдумывался в них. Перечтем весь этот отрывок из марксовского введения «К критике гегелевской философии права»:

«...религия есть самосознание и самочувствие человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. Но *человек* — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир*

человека, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они — *превратный мир*... Она (религия. — А. Т.) претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира*, *духовной усадой* которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа.

Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного счастья*¹.

Этот-то двойственный характер религии, позволивший ей пустить особенно глубокие корни в сердцах обездоленных, и не учитывали некоторые наивные просветители, вроде Нагульнова, искренне недоумевавшие, почему люди все еще продолжают верить попам.

Сами по себе религиозные учения были бы сухи и мертвы, не одушеви их народная фантазия, искавшая выхода из духоты бесправия, исступленная вера в то, что должна же где-нибудь существовать справедливость.

Религия подобна знаменитому библейскому жезлу, который, будучи воткнут в землю, вдруг зацвел. Но чудо, приписанное пророку, на самом деле совершилось в представлении народа: на сухую, торчащую в земле палку в страшном напряжении, с верой и надеждой глядело столько глаз, подернутых радужной пеленой слез, — чего не увидишь такими глазами!

Религия паразитировала на теле народа не только «вещественными» поборами: она долгие века снимала

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 1. М., Госполитиздат, 1955, стр. 414—415.

пенки с духовной жизни народа. Возведению затейливых церковных зданий, поразительной по проникновенности живописной трактовке библейских сюжетов отдавали всю свою не находившую иного выхода даровитость выходцы из народа. Цвет их мыслей и чувств, прорвавшийся даже сквозь тьмы и тьмы религиозных догм и ритуальных запретов, был затем с благостным лицемерием присвоен святыми отцами, которые отвели творцам всемирных шедевров более чем скромную роль «орудий божьего промысла». И народ, вдохнувший в божественных истуканов душу живу, простодушно уверовал, что это *его* облагодетельствовали, и, как Пигмалион, почтительно благоговел перед собственным созданием.

Из сказанного ясно, что ураганный огонь, который по временам открывали некоторые горячие головы в первые десятилетия советской власти по всему, что было связано с религией, был чреват нежелательными последствиями. Закрывание, а то и разрушение церкви затрагивало не только истовых богомольцев, но и устоявшуюся эстетическую струнку значительной части народа. Церковное пение и вся, так сказать, постановочная часть служб и празднеств были несомненным развлечением среди томительных будней.

Многое должно было измениться в деревне, чтобы стала возможной сценка, описанная Е. Дорошем, когда колхозницы отдаленного села напали на уполномоченного райкома партии: «У нас вот ни радио нету, ни клуба, ни телефона. Церковь, правда, открылась. Поп — хороший, молодой, да разве ж церковь — культурное развлечение!»

В те времена, о которых мы только что вспоминали, церковь в известной мере еще играла роль «культурного развлечения». И если бы (отказавшись от попытки скоропалительно ликвидировать религию) перейти к методичной, планомерной осаде ее твердынь, к бережному отделению от ее догматов всего того, на чем лежит печать народного творчества, успех антирелигиозной пропаганды был бы гораздо бóльшим.

«Глубокая, терпеливая, умело поставленная науч-

но-атеистическая пропаганда среди верующих поможет им в конце концов освободиться от религиозных заблуждений», — говорится в постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года».

Однако отказ от задиристых наскоков на религию сменился заметным ослаблением антирелигиозной пропаганды вообще. Бурные события современности, война — все это как-то отодвинуло в сторону, заслонило спор научного атеизма с религией, отвело от него общественное внимание.

В то же время военные и послевоенные годы с их тягчайшими испытаниями ознаменовались некоторым усилением религиозных настроений.

Именно в годы войны «впервые Варвара стала вечерами непослушными от волнения и тревоги губами молить шепотом: «Помоги, господи!», — рассказывает В. Гендряков об обращении матери Родьки Гуляева «в истинную веру». Одинокая женская жизнь, разлад с вернувшимся после войны Степаном, вечное давление фанатически религиозной бабки и боязнь за сына окончательно укрепили в душе Варвары страх перед жизнью и желание опереться на божественного заступника.

К тому же, несмотря на несомненные успехи социалистического земледелия и советской агрономической науки, крестьяне и поныне не застрахованы от стихийных бедствий, и это тоже питает в слабых душах страх перед завтрашним днем.

«Как была с весны великая сушь, собрали мне наши бабы по трешнице: иди, слышь, Прасковья, моли дождя, — повествует встреченная В. Солоухиным старуха. — Пришла я в Мстеру, помолилась, усердно помолилась...

— Ну и как?

— Али не видишь, застило все. Вторую неделю хлещет. Вот как, смейтесь над старухой-то! А теперь бабы мне снова собрали уж по пятерке: ты, слышь, намолила, ты и размаливай. Пока не размолитишь, в деревню не приходи».

Неизвестно, вернулась ли бедная странница домой. «До глубокой осени лилась с неба вода, так что

нельзя было на поля ни войти и ни въехать. Иные уборочные машины потом вырубали из замерзшей уже земли. По морозу же собирали остатки урожая. Но это все было гораздо позже», — замечает В. Солоухин, сообщая, как они продолжали свой путь, «посмеиваясь над богомолкой». И в его интонации, как нам кажется, сквозит осуждение этой дешевой туристской насмешливости. Стоит ли и впрямь хихикать над «смешной», «темной» старухой, которую погнала в далекий и бесцельный путь наивная попытка помочь приключившемуся с целым селом горю?

В отличие от деятелей антирелигиозной пропаганды, служители культа не дремали. Вспомним, что они открыли церковь в том селе, где не было, по свидетельству Е. Дороша, ни радио, ни клуба. Можно не сомневаться, что вздыхающие по «культурным развлечениям» жители нет-нет да и заглянут в новенькую церковь с «хорошим, молодым» попом, а там кое-кто, глядишь, и пристрастится к этому времяпрепровождению!

Вот и в районном городке, возле которого происходит действие «Чудотворной», «как-то незаметно выплыл после войны» отец Дмитрий. «Это не только божий агитатор, во славу господа действует не одними словами, — размышляет о нем учительница Парасковья Петровна. — Гумнищенский колхоз который уже год не соберется поставить новый клуб, сельская библиотека ютится в одной комнате с секретарем сельсовета, а тут сколько вам нужно: сто тысяч, двести, триста — пожалуйста, не жаль средств для удобства бабки Грачихи, чтоб не бегала двенадцать километров ко всеношной, имела храм под боком, без особых хлопот несла туда свои трудом и экономией добытые пятаки».

Драма, разыгравшаяся вокруг «новоявленной» иконы, просто шумно выплеснула на поверхность то, на что окружающие — будь то учительница, председатель колхоза Иван Макарович или заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии Кучин — до сих пор не обращали серьезного внимания. «Лишь с одной стороны на человека смотрите, как он служ-

бу ломает», — не без основания упрекает Парасковья Петровна Ивана Макаровича в ответ на его оправдания: «Слежу, как службу ломает в колхозе, а чтоб еще от святых угодников сбергать... Нет уж. не по моей специальности». Тот же упрек можно в значительной мере адресовать и Кучину.

У «Чудотворной» нет конца. Луч света осветил то, что таилось в тени. Отец Дмитрий всячески хочет снова уйти в нее, любимыми средствами восстановить тишь да гладь, божью благодать, в которой так хорошо было ловить людские души. Но Парасковья Петровна не хочет оставить все как было, хотя ей еще не ясно, какими активными средствами надо бороться с вырисовавшимся перед ней врагом. Да и отец Дмитрий вовсе не исчерпал всех средств обороны. Сплетни, сгаришечьи причитания об изрубленной Родькой «чудотворной» иконе («верно, по учительшину наущению!»), истеричные выходки контуженного Кинди, осуждение досужими кумушками разлада, который, мол, пошел в семье Гуляевых из-за той же учительши, — боюсь, что это еще неполный перечень арсенала, каким располагает благостный старец, действующий «в рамках советской законности».

Ну что ж, зато перемирие кончилось, противоборствующие силы определились! В разговоре Парасковьи Петровны с отцом Дмитрием все сказано прямо, все названо своими именами.

Публицистика? Декларация? А должен ли художник ее чураться, если он хочет, чтобы его книга прозвучала как зовущая в бой труба, и если эта публицистика *оригинальна* по мысли, а не представляет собою перепев общеизвестных истин?!

Мы, разумеется, не исчерпали всех вопросов, которые встают при чтении новых книг Е. Дороша, В. Солоухина и В. Тендрякова. Задача этой статьи — показать, как благотворно для писателя «подслушивание народной жизни», как интересно и разнообразно проявляется в творчестве учеба в «школе народной жизни».

Иные страницы художественной летописи деревни, оставленные нам писателями прошлого, напоминают тот вопль отчаяния и бессилия, с каким терпящий кораблекрушение изливает свои мысли, чтобы доверить потом эти записки пляшущей по волнам бутылке. «Я не в силах, подобно автомату, с неукоснительной аккуратностью вести перепись гадам, заполнившим мою родину», — читаем мы, например, на последних страницах «Записок Степняка» А. И. Эртеля.

Великое счастье советских писателей в том, что они имеют дело с разительно изменившейся действительностью и могут своим пером участвовать в дальнейшем коммунистическом преобразовании деревни. Советская литература — это действенная летопись нашего времени, интереснейших и поучительнейших процессов, происходящих в первом социалистическом обществе. Именно так и понимают свою задачу авторы трех заинтересовавших нас книг.